БАРАНЫ.

Восточная сказка.

Халифъ сидѣлъ однажды, какъ сидятъ халифы, на парчѣ или бархатѣ, поджавъ ноги, развалившись въ подушкахъ, съ янтаремъ въ зубахъ; длинный чубукъ, какъ боровокъ, проведенный отъ дымовья печки до устья въ трубу, лежалъ, кинутый небрежно поперегъ парчи, атласу и бархату, вплоть до золотаго подноса на вальяжныхъ ножкахъ, съ бирюзой и яхонтами, на которомъ покоилась красная глиняная трубка, съ золотыми по краямъ стрѣлками, съ курчавыми цвѣточками и ободочками. Полъ бѣлаго мрамора; небольшой серебристый водометъ по срединѣ — усыпительный однообразный говоръ бьющей и падающей струи, казалось, заботливо услуживалъ халифу, напѣвая ему: покойной ночи.

Но халифу не спалось: озабоченный общимъ благомъ, спокойствіемъ и

счастіемъ народа, онъ пускалъ клубы дыма то въ усъ, то въ бороду, и хмурилъ брови. Ночь наступила, а халифъ и не думалъ еще о нынѣшней своей избранницѣ гарема, и старый, беззубый церберъ, неусыпный стражъ красоты и молодости, дряхлый эфіопъ, не переступалъ еще съ обычнымъ зовомъ завѣтнаго порога, не растворялъ широкаго раструба безобразныхъ устъ своихъ для произнесенія благозвучнаго имени одного изъ прелестнѣйшихъ существъ въ мірѣ.

Халифъ тихо произнесъ: Мелекъ — и раболѣпный Мелекъ стоялъ передъ нимъ, наклонивъ голову, положивъ правую руку свою на грудь. Халифъ, молча и не покидая трубки, подалъ пальцемъ едва замѣтный знакъ, и Мелекъ стоялъ уже передъ повелителемъ своимъ, съ огромнымъ плащемъ простой бурой ткани и съ бѣлой чалмой безъ всякихъ украшеній, въ рукахъ. Халифъ всталъ, надѣлъ бѣлую простую чалму, накинувъ бурый плащъ, въ которомъ ходитъ одинъ только простой народъ, и вышелъ. Вѣрный Мелекъ, зная

обязанность свою, пошелъ украдкой за нимъ слѣдомъ, ступая, какъ кошка, и не спуская повелителя своего съ глазъ.

Дома въ столицѣ халифа были всѣ такой легкой постройки, что жильцы обыкновенно разговаривали съ прохожими по улицѣ, возвысивъ нѣсколько голосъ. Прислонившись ухомъ къ простѣнку, можно было слышать все, что въ домѣ говорится и дѣлается. Вотъ зачѣмъ пошелъ халифъ.

«Судья, казы, неумолимъ», жаловался плачевный голосъ въ какой–то мазанкѣ, похожей съ виду на дождевикъ, выросшій за одну ночь, «Казы жестокъ: бирюзу и оправу съ сѣдла моего я отдалъ ему, послѣдній остатокъ отцевскаго богатства, и только этимъ могъ искупить жизнь свою и свободу. О, великій халифъ, если бы ты зналъ свинцовую руку и желѣзныя когти своего казы, ты бы заплакалъ вмѣстѣ со мною!»

Халифъ задумчиво побрелъ домой: на этотъ разъ онъ слышалъ довольно. «Казы сидитъ одинъ на судилищѣ своемъ»,

размышлялъ халифъ, «онъ дѣлаетъ, что хочетъ, онъ самовластенъ, можетъ дѣйствовать самоуправно и произвольно: отъ этого все зло. Надобно его ограничить; надобно придать ему помощниковъ, которые свяжутъ произволъ его; надобно поставить и съ боку, рядомъ съ нимъ, наблюдателя, который повѣрялъ бы всѣ дѣла казыя на вѣсахъ правосудія, и доносилъ бы мнѣ каждодневно, что казы судитъ правдиво и безпристрастно.»

Сказано — сдѣлано: халифъ посадилъ еще двухъ судей, по правую и по лѣвую руку казы, повелѣлъ называться этому суду судилищемъ трехъ правдивыхъ мужей — поставилъ знаменитаго умму, съ золотымъ жезломъ, назвавъ его халифскимъ приставомъ правды. — И судилище трехъ правдивыхъ сидѣло и называлось по волѣ и фирману халифскому; и свидѣтель халифскій, приставъ правды, стоялъ и доносилъ каждодневно: все благополучно.

«Каково же идутъ теперь дѣла наши?» спросилъ халифъ однажды у пристава

своего, «творится ли судъ и правда, и милость, благоденствуетъ ли народъ?»

— Благоденствуетъ, великій государь, — отвѣчалъ тотъ; — и судъ, и правда, и милость творится; нѣтъ Бога кромѣ Бога и Мохаммедъ его посолъ. Ты излилъ благодать величія, правды и милости твоей, сквозь сито премудрости, на удрученныя палящимъ зноемъ, обнаженныя главы народа твоего; живительныя капли росы этой оплодотворили сердца и уста подданныхъ твоихъ на произрастаніе древа, коего цвѣтъ есть благодарность, признательность народа, а плодъ — благоденствіе его, устроенное на незыбленныхъ основаніяхъ на почвѣ правды и милости.

Халифъ былъ доволенъ, покоясь опять на томъ же пушистомъ бархатѣ, передъ тѣмъ же усыпляющимъ водометомъ, съ тѣмъ же неизмѣннымъ янтарнымъ другомъ въ устахъ — но рѣчь пристава показалась ему что–то кудреватою; а халифъ, хоть и привыкъ уже давно къ восточной яркости красокъ, запутанности узоровъ и пышной

роскоши выраженій, успѣлъ однакоже научиться не довѣрять напыщенному слову приближенныхъ своихъ.

«Мелекъ», произнесъ халифъ — и Мелекъ стоялъ передъ нимъ, въ томъ же раболѣпномъ положеніи. Халифъ подалъ ему извѣстный знакъ.

«Удостой подлую рѣчь раба твоего», сказалъ Мелекъ, «удостой, о великій халифъ, не края священнаго уха твоего, а только праха, попираемаго благословенными стопами твоими, и ты не пойдешь сегодня подслушивать, а будешь сидѣть здѣсь, въ покоѣ.»

— Говори, — отвѣчалъ халифъ.

«О, великій государь, голосъ одинъ: народъ, вѣрный народъ твой вопіетъ подъ беззащитнымъ гнетомъ. Когда былъ казы одинъ, тогда была у него и одна только, собственная своя, голова на плечахъ; она одна отвѣчала и онъ ее берегъ. Нынѣ у него три головы, да четвертая у твоего пристава; они раздѣлили страхъ на четыре части и на каждаго пришлось по четвертой долѣ. Мало было цѣлаго, теперь еще стало меньше.

Одного волка, великій государь, кой–какъ насытить можно, если иногда и хватитъ за живое — стаи собакъ не насытишь, не станетъ мяса на костяхъ.»

Халифъ призадумался, смолчалъ, насупилъ брови и чело его сокрылось въ непроницаемомъ облакѣ дыма. Потомъ янтарь упалъ на колѣни. Халифъ долго въ задумчивости перебиралъ пахучія четки свои, кивая медленно въ ладъ головою.

«Меня называютъ самовластнымъ», подумалъ онъ, «но ни власти, ни воли у меня нѣтъ. Голова каждаго изъ негодяевъ этихъ конечно въ моихъ рукахъ; но отрубивши человѣку голову, сократишь его, а нравственныя качества его не измѣнишь. Основать добро и благо, упрочить счастіе и спокойствіе каждаго не въ устахъ раболѣпныхъ блюдолизовъ моихъ, и на самомъ дѣлѣ, — это труднѣе, гораздо труднѣе, чѣмъ пустить въ свѣтъ человѣка безъ головы. Перевѣшать подданныхъ моихъ гораздо легче, чѣмъ сдѣлать ихъ честными людьми; попытаюсь однакоже: надобно ограничить еще болѣе

самоуправство, затруднить подкупъ раздробленіемъ дѣлъ, по предметамъ, по роду ихъ и другимъ отношеніямъ, на большее число лицъ, мѣстъ и степеней; одно лицо дѣйствуетъ самопроизвольно, а гдѣ нужно согласіе многихъ, тамъ правда найдетъ болѣе защиты.»

И сдѣлалось все по волѣ халифа: гдѣ сидѣлъ прежде и судилъ и рядилъ одинъ, тамъ сидятъ семеро, важно разглаживаютъ мудрыя бороды свои, замысловатые усы, тянутъ кальянъ и судятъ и рядятъ дружно. Все благополучно.

Великій халифъ съ душевнымъ удовольствіемъ созерцалъ въ свѣтломъ умѣ своемъ вновь устроенное государство: считалъ по пальцамъ, считалъ по четкамъ, огромное множество новыхъ слугъ своихъ, слугъ правды — и радовался, умильно улыбаясь, что правосудіе нашло въ халифатѣ его такую могучую опору, такой многочисленный оплотъ противу зла и неправды.

«Еще ли не будутъ счастливы вѣрные рабы мои», сказалъ онъ, «ужели они не

благоденствуютъ теперь, когда я оградилъ и собственность и личность каждаго фаудтами, то есть цѣлыми баталіонами недремлющей стражи, оберегающей заботливо священное зерцало правосудія отъ туску и ржавчины? Тлетворное дыханіе нечистыхъ не смѣетъ коснуться его; я вижу: зерцало отражаетъ лучи солнечные въ той же чистотѣ какъ воспріяло ихъ.»

Опять позвалъ халифъ Мелека, опять сокрылся отъ очей народа въ простую чалму и смурый охобень; опять пошелъ подъ стѣнками тѣсныхъ, извилистыхъ улицъ; — часто и прилежно халифъ прикладывалъ чуткое ухо свое къ утлымъ жилищамъ вѣрноподданныхъ — и слышалъ одни только стенанія, однѣ жалобы на ненасытную корысть новаго сонма недремлющихъ стражей правосудія.

«Растолкуй мнѣ, Мелекъ», сказалъ халифъ въ недоумѣніи и гнѣвномъ негодованіи, «растолкуй мнѣ, что это значитъ? я не вѣрю ушамъ своимъ; быть не можетъ!»

— Государь, — отвѣчалъ Мелекъ, — я человѣкъ темный, слышу глазами, вижу руками: только то и знаю, что ощупаю. Позволь мнѣ привести къ тебѣ стараго Хуршита — онъ жилъ много, видалъ много; слово неправды никогда не оскверняло чистыхъ устъ его, онъ скажетъ тебѣ все.

«Позови.»

Хуршитъ вошелъ, Хуршитъ изъ черни, изъ толпы, добывающій себѣ насущное пропитаніе кровнымъ потомъ.

«Хуршитъ, что скажешь?»

— Что спросишь, повелитель; не подай голосу, и отголосокъ въ горахъ молчитъ, не смѣетъ откликнуться. —

«Скажи мнѣ прямо, смѣло, — но говори правду — когда было лучше, теперь или прежде?»

— Государь, — сказалъ Хуршитъ, послѣ глубокаго вздоху, — при отцѣ твоемъ было тяжело. Я былъ тогда овчарникомъ, какъ и теперь, держалъ и своихъ овецъ. Что бывало проглянетъ молодая луна на небѣ,

то и тащишь на плечахъ къ казыю своему барана: тяжело было. —

«А потомъ?» спросилъ халифъ.

— А потомъ, государь, стало еще тяжеле: прибавилось начальства надъ нами, прибавилось и тяги, стали мы таскать на плечахъ своихъ по два барана. —

«Ну, а теперь, говори!»

— А теперь, государь, — сказалъ Хуршитъ, весело улыбаясь, — слава Богу, совсѣмъ легко! —

«Какъ такъ?» вскричалъ обрадованный халифъ.

Хуршитъ поднялъ веселые каріе глаза свои на халифа, и отвѣчалъ спокойно:

— Гуртомъ гоняемъ. —